

СИРОТКИН СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ

Заведующий кафедрой клинической психологии и психоанализа Удмуртского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент.

Председатель ассоциации развития психоаналитических исследований.

Главный редактор журнала «Антропoпpаксис» (Ижевск).

E-mail: editor@ergo-izhevsk.ru

УДК 159.964.2

ПРАКСИС ПСИХОАНАЛИЗА: В ЧЁМ СОСТОИТ РАБОТА АНАЛИЗА Заметки аналитика

Аннотация. Автор рассматривает специфику типа работы, осуществляемого в психоанализе в категориях антропoпpактики. Эта работа состоит из реконструкции истории субъекта, восстановления забытого и вытесненного. Работа анализа ведётся с точки зрения двух позиций — аналитика и анализанда (пациента). Две деятельности взаимно дополняют друг друга и имеют свои особенности. Затрагиваются взгляды Фрейда и Лакана на специфику психоанализа.

Ключевые слова: анализ, работа анализа, психоаналитический процесс, Фрейд, Лакан, мыслительные конструкции.

© Сироткин С. Ф. 2017

Sergey F. Sirotkin

PRAXIS PSYCHOANALYSIS: WHAT IS THE WORK OF THE ANALYSIS

Abstract. The paper examines a type of works which are carried out in psychoanalysis. This work consists of reconstruction of a subject's history: the restoration forgotten and repressed. The work of the analysis is conducted on two fields — analyst and analysand. Two activity supplement each other also has the features. In this paper are used the Freud's and Lacan's view on psychoanalytical process.

Key words: analysis, work of the analysis, psychoanalytical process, Freud, Lacan, mental construction.

1. Основной вопрос.

При осмыслении практики психоанализа важным вопросом является тот, что задаётся относительно существа производимой в анализе работы. Этот вопрос звучит так: какой тип работы производится в рамках психоаналитического сеанса? Здесь же надо заметить, что специфика аналитической работы заключается в том, что она совершается в особом типе межлических отношений, который характеризуется феноменом переноса. Таким образом, имеется особый тип работы и особый тип отношений.

2. В чём состоит особый тип работы анализа?

Тип работы, совершаемый в анализе можно определить как восстановительный. Сутью этой работы является как можно более *полное восстановление истории субъекта* или историзация субъекта.

В повседневной жизни мы имеем дело с историей, которая может быть охарактеризована следующим образом.

История субъекта:

- а) фрагментирована, то есть не известны связки между отдельными сюжетами существования;
- б) отчуждена, то есть не интегрирована в непосредственный опыт индивида, который воспринимает многое из своей жизни как к нему не относящееся;
- в) искажена защитными фантазийными конструкциями, выступающими в качестве основы для мировоззренческих подходов, где перемешаны воспоминания и восприятия;
- г) адаптирована под образ жизни, то есть имеет самооправдывающий характер;
- д) не актуальна, то есть не воспроизводится произвольно в каждый момент;
- е) спутана, то есть представляет собой конгломерат внешней хронологичности и при этом вневременности событий.

Это связано с неизбежной драматичностью человеческого существования: индивид не обладает знанием о причинности самого себя. «История не является прошлым» – заявляет Ж. Лакан. Прошлое в истории существует лишь в меру своей историзованности, то есть, включённости в дискурс субъекта в виде повествования, а не артефакта, в виде знания, а не симптома. Артефакты же прошлого субъект может не относить к прошлому и реагировать на них как на ситуации актуального настоящего.

Восстановление истории субъекта происходит в форме воссоздания прошлого, актуализации опыта переживаний, преодоления заторов в воспоминаниях. Фактически, это установление координаты времени субъекта, которая должна была бы упорядочить его собственную субъектность.

3. Из чего складывается аналитическая работа?

В своей статье «Конструкции в анализе» Фрейд указывает, что «...аналитическая работа состоит из двух совершенно разных частей, что она осуществляется на двух отдельных аренах, происходит на двух персонах, из которых каждая имеет свою задачу» [Freud 1937].

Психоанализ представляет собой парное межлическое взаимодействие, в котором каждый участник решает свои задачи, сопрягаемые друг с

другом, в результате чего возникают специфические феномены взаимодействия.

Задача *анализанда* (пациента) – соблюдать основное правило психоанализа, т. е. продуцировать свободные ассоциации и сообщать их вербально. Фактически это обрывки воспоминаний, лоскутки забытых переживаний, выходящие различными путями из различных слоёв памяти. Задача аналитической работы состоит в том, чтобы «подвести пациента к снятию вытеснений его раннего развития, – понимаемых в самом широком смысле, – чтобы заменить их реакциями, которые соответствовали бы состоянию психической зрелости. С этой целью он должен вновь вспомнить определенные переживания и вызванные ими аффективные порывы, которые пока у него забыты» [Freud 1937: Ibid].

Благоприятствует этому тот факт, что пережитое никуда не исчезает: «Все существенное сохранилось; даже то, что кажется полностью забытым, ещё как-то и где-то присутствует, оно только было засыпано, стало недоступным для распоряжения индивида. Ведь, как известно, мы вправе сомневаться в том, что какое-нибудь психическое образование действительно подвергается полному разрушению» [Freud 1937: Ibid].

Кроме того, остатки воспоминаний, либо ставшие основой каких-либо более поздних образований, либо, по-прежнему патогенно действующие, возобновляют себя в *навязчивых повторях, ложных связанностях*, в устанавливаемых с аналитиком отношениях *переноса*.

При этом «аналитик ничего не переживает и ничего не вытесняет; его задачей не может быть что-то вспомнить. Какова же тогда его задача? Он должен угадывать или, выражаясь правильнее, *конструировать* забытое по оставленным им после себя приметам» [Freud 1937: Ibid].

Итогом совместной работы является получение желаемого результата. «Желаемое – надежная и во всех существенных частях полная картина забытых лет жизни пациента» [Freud 1937: Ibid].

4. Что же реконструируется?

В психоаналитической работе ценны не просто воспоминания как таковые. Хотя продуцирование их уже является фактом преодоления сил вытеснения. Важным является понимание того, что же эти приходящие в различных формах воспоминания в итоге реконструируют в субъекте. Какова *совокупная история* его собственной жизни, *причины* существования и *контексты* бытия? Итогом реконструкции должна становиться история в её полноте и зрелости отношений к историческим событиям.

Здесь будет уместно следующее сопоставление. Производство различных историй в их неполноте, фрагментарности и проч. присуще невротическому и психотическому расстройству. Эти истории выполняют функцию симуляции воспоминаний, имеют обширные лакуны в своём восприятии и симптоматичны по способам изложения.

Например, при истерии история субъекта представлена как совокупность артефактов в их несистематизированном виде, множественные записи в большей мере на собственном теле индивида с учётом лишь его фантазматической анатомии. Тело берётся в обыденном, предельно адаптированном к повседневному языку смысле. Тело является местом и средством написания тайных знаков истории, которая для истерика структурирована формулой «как если

бы». Фраза «как если бы» расщеплена, понятия «как», «если» и «бы» принадлежат различным регистрам психического. «Как» реализуется в виде симптоматики. Истерик проявляет себя «как» травмированный, что сознанием воспринимается тождественно травмированному во всех недовольствах и противодействиях этому. «Бы» или точнее «было» относится исключительно к выпавшим воспоминаниям и вытесненным желаниям. В бессознательном «было» или «хотелось, чтобы было» совпадают. Действительность этого совпадения доказывается значением симптома и его сопоставлением с реальностью событий. События не было, или оно было другим, а симптом существует так, как будто оно должно было быть и быть именно таким, т. е. травмирующим. Наконец, «если» — связующее звено во фразе «как если бы». Это «если», собственно и доставляет страдание, оно — фактор компромисса и противоречий. «Если» связывает бессознательное желание в реальности его вытеснения, в травмирующей энергичности его действия и форме симптома.

Симптом, образ жизни, жалобы, обыденные объяснительные конструкции пациента суть текст его истории, сделанный тайнописью, с пропусками и искажениями. Именно этот текст в специфическом прочтении должен был бы открыть подлинную историю субъекта. Можно сказать, что в своей болезни субъект был *истеризирован*, для излечения надо его *историзировать*.

В процессе реконструкции истории субъекта, прежде всего, должна быть получена не только материальная истина, т. е. фактическая наполненность истории событиями, но и историческая истина, отвечающая на вопросы о путях, формах и мотивах фальсификации, которую и создаёт болезненное состояние.

5. Связь двух работ: анализанда и аналитика

Аналитик предоставляет в распоряжение сознания пациента толкования, т. е. значения отдельных элементов, разного рода возникшего в работе материала (сновидения, ошибочные свершения, симптомы и пр.), а также конструкции — части забытой истории пациента в некоторой целостности.

Конструкция в анализе выступает формой связи между эпизодами истории пациента, формой, в которой донине вытесняемое может перейти на легальное положение.

Психоанализ своими конструкциями заполняет лакуны в дискурсе пациента. И здесь уместен ряд аналогий, в которых конструкции выполняют следующие задачи:

- понимание непереводимостей в переводе,
- понимание разрывов между историческими реминисценциями,
- понимание разрывов в дискурсах,
- понимание разрывов между письмом и высказыванием,
- понимание разрывов между говорением и слушанием.

Например, в говорении пациента, который не особенно верит своей речи: «Зачем я это сказал?», «Сам не понял, что сказал».

На пути понимания в аналитической работе может быть риск ошибочности конструкций, вплоть до злоупотребления суггестивным моментом во взаимодействии аналитика и анализанда. На это Фрейд отвечает: «не будет вреда, если однажды мы поддадимся заблуждению и предложим пациенту неправильную конструкцию как вероятную историческую истину. Конечно, это означает потерю времени, и тот, кто всегда рассказывает пациенту толь-

ко ошибочные комбинации, не произведёт на него хорошего впечатления и не продвинется далеко в своём лечении, однако такое единичное заблуждение безвредно» [Freud 1937: Ibid]. Ошибочная конструкция — это всего лишь потеря времени, но даже она способна принести косвенную пользу. По мере продвижения познания пациента ошибочная конструкция отпадает, сменяется более подходящей. Иногда возникает ситуация, что так называемое дикое толкование всё же может иметь свой эффект вызывания аффективной реакции пациента. И в этом случае можно сказать, что ложь приманивает правду, давая возможность скорректировать ошибочную конструкцию.

Ценность конструкции состоит в том, что она способствует продуцированию новых воспоминаний у пациента, которые укрепляют конструкцию и расширяют её. Именно в этом пункте совпадают усилия аналитика и анализанда. Конструкция, которая находит ряд косвенных подтверждений (в новых воспоминаниях, аффективных реакциях, дополнениях и изменениях в речи пациента) по аналогии с мозаикой становится элементом в общей картине жизни пациента. Она начинает выполнять функцию моста между отдельными фрагментами воспоминаний, а в случае её эффективного принятия перестаёт отличаться от воспоминаний самого пациента, становится вновь обрётённым воспоминанием.

Здесь уместно отметить интересный феномен, возникающий в принятии анализандом конструкции аналитика. Внешне высказанная, озвученная другим лицом конструкция осваивается анализандом и перестаёт быть чужеродной. Как это возможно? Можно предположить, что на них переносится часть аффективного заряда от всколыхнувшихся и возвращающихся воспоминаний. Старые воспоминания и вновь обрётённые представления становятся одновременно сопряжены с той долей аффекта, которая не могла быть высвобождена из-за вытеснения.

6. «Да» и «нет» не говорите.

3. Фрейд указывает, что сообщения пациента в ответ на толкование или конструкцию в виде согласия или несогласия, однозначных «да» или «нет» не имеют большого значения. Он пишет: «из прямых высказываний пациента после сообщения конструкции можно получить мало отправных точек, не важно, правильно было угадано или неправильно» [Freud 1937: Ibid]. Значение имеет то, вызвала ли предложенная конструкция новые воспоминания, ассоциации, изменение аффективного состояния (например, ухудшение самочувствия в случае негативной терапевтической реакции). Формальные же согласия и несогласия с конструкцией должны быть разобраны в их возможных многоаспектных детерминациях, в том числе в качестве сопротивления аналитической работе.

3. Фрейд пишет: «Поскольку любая такая конструкция является неполной, охватывает лишь частицу забытого происшествия, мы свободно можем допустить, что анализируемый, собственно, не отрекается от сообщённого ему, но противоречит из-за ещё нераскрытой доли. Как правило, он выскажет своё согласие только тогда, когда узнает всю истину, а она часто довольно пространна. Следовательно, единственно уверенным толкованием его «нет» является толкование о неполноте; конструкция явно сказала ему не всё» [Freud 1937: Ibid].

7. Схема анализа по Лакану.

Проблему, с которой начинается работа, можно обозначить следующим образом: субъект не признаёт в образе самого себя зависимость от воображаемых фиксаций, не интегрированных в символический порядок, т. е. выступающих как травматические события без понимания того, в чём состоит эта травма.

В точку «О» Ж. Лакан помещает бессознательное понятие пациента о его собственном Я, т. е. то, что должно быть принято в результате работы (рис. 1). Приближение к нему возможно только в процессе говорения через вербализацию переживаний в присутствии посредника — аналитика. Пациент должен собрать отдельные точки фиксации в интегрированный образ себя.

По ходу работы происходит речевое усвоение собственной истории каждый раз в виде недостаточности высказанного. Восполнение непонятого о себе происходит в другом, через действия аналитика. Пациент усваивает непонятое по мере того, как даёт аналитику возможность услышать себя.

Всё, что говорится на стороне пациента, будет услышано на стороне аналитика. Аналитик слушает, но в этот момент отражённым способом слышит свою речь и пациент: «Эхо дискурса симметрично зеркальности образа» — говорит Ж. Лакан [Лакан 1998: 371].

Прогресс субъекта обеспечивает продвижение его в точку «О», т. е. к построению своей интегрированной истории. В этой диалектической спирали Ж. Лакан видит сущность психоаналитической работы.

Рис. 1. Схема анализа по Ж. Лакану.

8. От анализанда к анализанту

Какое усилие в итоге должен совершить анализанд? Это переход от пассивности отношений к своему прошлому к активности: от того, кто претерпевает анализ к тому, кто анализ активно запрашивает.

9. Чем завершается работа в анализе?

Анализ завершается странным принятием самого себя без ожидания смерти своих желаний. В бытовом смысле возникает шанс не откладывать

жизненные действия и не уходить из жизненных отношений. Возникает надежда на мужественное бытие-к-смерти.

Литература

Лакан 1998 – Лакан Ж. Семинары. Кн.1: Работы Фрейда по технике психоанализа. М., 1998.

Freud 1937 – Freud S. Konstruktionen in der Analyse. // Freud S. Gesammelte Werke. – Bd. XVI. 1937. — S. 43–56.